

— Кхе-кхе... кхе-кхе-кхе!

Солхахан наконец подняла голову:

— Что с тобой?

Вэй Чи прикрыл рот рукой:

— Ничего особенного... Ты уже закончила проверять?

Солхахан на мгновение лишилась дара речи. Она действительно отвлеклась, это правда, но к чему такая нетерпеливость?

Заметив странное выражение лица Солхахан, Вэй Чи поспешно добавил:

— Ничего, ничего... продолжай, не торопись.

В душе его поднималась паника. Чэнь Ху вернулся вовремя, еще на рассвете, но от Шэнь Яна не поступило никакого внятного ответа — если не считать вежливых пустых фраз, он не сказал ровным счетом ничего! Воспоминания о скупых словах Лу Шэндо приводили в ужас. Сегодня Цицигэ словно задалась целью вывести его из себя: взяла кисть и постоянно витала в облаках. Раньше он бы посмеялся над ней, но сегодня был совсем не в духе.

Солхахан тоже пребывала не в лучшем расположении духа. Последние дни она была измотана до предела и не хотела ни с кем общаться, а на вялые подгоны Вэй Чи и вовсе не желала реагировать.

К полудню все документы были наконец рассмотрены. Складывая бумаги, Солхахан думала, сколько еще продлятся такие дни. В голову лезли разные мысли, а потом она снова вспомнила Вэй Чи. Наверное, в тот день она просто лишилась рассудка, иначе как ей могло прийти в голову нечто столь абсурдное? Она воспринимала ее как младшую сестру, как приятного собеседника, но что за наваждение нашло на нее, заставив выдумать невесть что?

Она не мужчина, и та тоже. Хотя у нее сильный характер, но в конечном счете она женщина. Она видела столько других женщин, куда лучше этой, и еще больше мужчин. Она повидала всякое, поэтому с ней... это точно не то, о чем она подумала. Наверняка просто переутомилась в последнее время, вот и помутилась рассудком... совсем помутилась.

— Кхе-кхе-кхе... — Вэй Чи наблюдал, как Солхахан, опустив голову, стопкой складывает бумаги, и этому процессу не было конца.

На сей раз Солхахан даже не заметила его нетерпения, она сидела неподвижно, с пустым лицом. Вэй Чи украдкой взглянул на водяные часы и, охваченный тревогой, решил оставить попытки поторопить ее. Лишь когда пришла придворная дама доложить о подаче обеда, Солхахан словно очнулась и поднялась.

Вэй Чи с улыбкой принял документы и собрался уходить, но Солхахан, словно поддавшись какому-то наваждению, застыла, не выпуская бумаг из рук.

— Что такое?

Солхахан вздрогнула, поспешно разжала пальцы и поправила выбившуюся у уха прядь волос:

— ...Ничего, ничего.

— Тогда я пойду...

Вэй Чи уже хотел развернуться, как вдруг у Солхахана сжалось сердце, и то самое смутное чувство вновь заполнило ее:

— ...Поешь, прежде чем идти. Все равно тебе дома обедать...

— Нет, не стоит... — Вэй Чи боялся опоздать, вспомнив предостережение Лу Шэндо. Он обернулся и серьезно посмотрел на Солхахана: — ...Нам лучше не сближаться слишком сильно.

Солхахан словно подавилась этими словами, не зная, что ответить.

Вэй Чи потерял свое бледное от недосыпа лицо:

— Сегодня я лучше поем у себя.

— О... о. — Солхахан натянуто улыбнулась, сделав вид, что не расслышала последнюю часть фразы. — Тогда поторапливайся, а то опоздаешь.

Выйдя за ворота дворца, Вэй Чи собрался надеть обувь, наклонился и обнаружил, что забыл свою шкатулку с письменными принадлежностями. Он охнул, вспомнив, что в спешке, заботясь только о том, чтобы забрать бумаги, оставил ее на столе. Посетовав на свою забывчивость, он сказал об этом ожидавшей его даме и поспешил обратно. Едва войдя в кабинет, он застыл от ужаса: комната, которая еще мгновение назад была в порядке, теперь выглядела так, будто по ней пронеслось стадо быков. Столы опрокинуты, фарфор, золотые и серебряные украшения — все разбито вдребезги, без разбора.

Придворная дама дрожащими руками бинтовала руку Солхахана. Та сидела с почерневшим лицом, тяжело дыша. Нетрудно было догадаться, кто здесь был тем самым быком.

Присутствие дамы не позволило Вэй Чи задавать лишних вопросов, и он почтительно доложил:

— У меня тут кое-что осталось...

Дама не ожидала, что господин Вэй вернется, и, убирая пузырьки с лекарствами, собралась было встать, чтобы подать ему вещи.

— Ты... выйди...

Услышав приказ Солхахана, дама не посмела ослушаться, и, заметив, что та немного успокоилась, молча удалилась. Как только дверь с грохотом захлопнулась, Вэй Чи осторожно подошел к Солхахану и присел рядом:

— Это ты разбила?

Солхахан стало неловко. Она просто давала выход накопившемуся раздражению и не ожидала, что Вэй Чи вернется так скоро.

— Что случилось? Что случилось? Если что-то не так, ты должна сказать! — Вэй Чи смутно чувствовал, что это как-то связано с ним. — Это из-за того, что я сказал? Кхе... ты не пойми неправильно, меня в последнее время донимают столичные чиновники, я боюсь, что если ты будешь слишком близка со мной, то пострадаешь из-за меня... Кхе, не недооценивай их, с виду они чиновники, а на деле — змеи подколенные...

— Это не из-за тебя... — Солхахан высвободила руку из ладони Вэй Чи. — Просто... кхе, дела идут не гладко. Та дама была неосторожна... кхе, разозлила меня... и я вспылила...

Вэй Чи снова перехватил ее руку:

— Ты опять врешь... Но не вымещай злость на себе. Если я действительно сказал что-то не то, просто бей меня...

Солхахан не удержалась и прыснула со смеху:

— С чего это ты вдруг стал таким добрым?

Вэй Чи тоже улыбнулся:

— Только подушкой бить можно... хе-хе.

Никакого преклонения, никакой жалости... никаких тягостных чувств. Только она, существующая, подобно чистой воде, дающая ему отдых. Он не ожидал, что долгие дни общения с ней породят такую привязанность: пара дней разлуки — и он уже скучает, словно человек, изнывающий от жажды. Подушка... Солхахан вспомнила тот заставивший сердце биться чаще полдень, вспомнила ту смутную импульсивность, смешавшуюся с черными прядями волос, что скользнули по ее горлу.

Вэй Чи заметил в углу знакомый осколок флакона, подошел и поднял его:

— Это не тот эмалевый флакон? Ты даже его разбила?

— А что, нельзя?

Вэй Чи посмотрел на осколки и покачал головой:

— Ты от природы не из тех людей, кто умеет легко отпускать... Знала ведь, что потом будешь жалеть, зачем же было разбивать?

Солхахан спрятала раненую руку на груди:

— Только ты и можешь угадать! О чем это я жалею?

— ...Ты не умеешь смотреть на вещи проще. — Вэй Чи, пиная осколки, подошел ближе. — В следующий раз, если захочешь что-то разбить, бери то, что нельзя сломать. А это уже не склеишь, так что забудь.

Не склеишь... У Солхахан защемило в груди, руки обмякли, и она позволила Вэй Чи держать себя. Вэй Чи больше ничего не сказал, лишь молча развернул бинты, заново обработал рану и перевязал ее.

Вэй Чи, может, ты и права. Есть люди, есть вещи — если упустишь, найти их снова будет трудно. Думаю, это и есть то, что называют невозможностью отпустить. Какой смысл оставлять тебя пообедать или поболтать еще немного? Солхахан невольно вздохнула, перестав ломать голову над тем, что это за смутное чувство и стоит ли ему поддаваться. Этот момент, такой редкий, вот-вот исчезнет вместе с прекрасным, но коротким летом Мокэна. А сейчас так хорошо: они так близко, рядом, и в этом столько заботы...

— Что с тобой? — поднял голову Вэй Чи. — Неужели жалко? Если жалко — плачь... сидишь с

таким лицом, как жареная лошадиная кишка из Мокэна.

— Сам ты жареная кишка! — вспомнив то черное на вид блюдо, Солхахан рассмеялась, но тут же не сдержала слез. — Ну ты и наглец!

— Что случилось? Твой покорный слуга вчера чуть не был вызван на чай к высокопоставленному чиновнику... столько гнева накопилось, плюс страх и тревога, до сих пор еле держусь... Хочется кого-нибудь ударить, а некого, вот и вымещаю злость на полотенце. Какой я выдержанный, ха-ха-ха, я...

— Ладно, ладно! — Солхахан наконец рассмеялась сквозь слезы. — Совсем стыд потерял.

Вэй Чи вытер слезы с ее глаз. Солхахан слегка прикрыла веки, вцепилась в лацканы его одежды и прислонилась головой к его плечу. Вэй Чи нежно похлопал ее по спине и прошептал:

— Я сегодня утром узнал, что те люди из столицы вовсе не звали меня обратно. Среди них столько знатных особ! Кабинет министров, Военное ведомство, император — разве им есть дело до такой мелкой сошки, как я? Хотя не знаю, как долго, но думаю, я еще долго пробуду в Мокэне. Почему ты так тревожишься при малейшем дуновении ветра? Хм! Обычно только и делаешь, что отчитываешь меня... а теперь вот ревешь.

Солхахан не стала спорить, лишь крепче прижалась к его плечу, думая про себя: это не ты уезжаешь, это я уезжаю... И хотя я не знаю, когда именно, но знаю, что этот день уже близок... И это расставание, возможно, станет вечным.

— Возвращайся... — через мгновение Солхахан выпрямилась. — Раз собиралась обедать у себя, опоздаешь.

Вэй Чи подумал и кивнул:

— Тебе запрещено плакать! Не порть себе настроение.

— Поняла, нудный ты человек. — Солхахан вытерла лицо, встала и подтолкнула Вэй Чи к выходу. Убедившись, что она больше не плачет, Вэй Чи со спокойным сердцем ушел. Вернувшись в Хутаясы, он застал Ван Юньи в ярости — причина была неясна, но крики были слышны еще от входа в зал. Младший офицер Ван Юньи подмигнул Вэй Чи, тот все понял и в обход направился во внутренний двор. Едва он миновал заднюю часть зала, как услышал грохот — что-то тяжелое, возможно, пресс для бумаги или чернильница, летело в стену. Следом послышались звуки ломающейся мебели. Вэй Чи не рискнул больше подглядывать и, втянув голову в плечи, сбежал в свой дворик, где и спрятался.

— Ужас какой! — Вэй Чи закрыл дверь и сказал Чэнь Ху: — Генерал Ван, похоже, не в духе. Я спрячусь, обед прикажи принести сюда.

Чэнь Ху принял плащ Вэй Чи и прошептал:

— Весь день шум стоит. Я хотел войти доложить, но советник Ду сделал мне знак, и я поспешил убраться.

— Умно, умно... — Вэй Чи вздохнул, а потом спросил: — Цзиньивэй тебя не донимал?

Чэнь Ху призадумался:

— Сначала я думал, что дойдет до драки, но они лишь допрашивали. Снова и снова спрашивали, когда господин ушел и когда вернулся. Я отвечал, как есть, спрашивали про твои передвижения в последнее время — я тоже рассказал... Тот тип по фамилии Ци, что меня привел, был мрачнее тучи, допрашивал раз за разом. Что я мог сделать? Приходилось повторять. В конце концов он вышел из себя, разбил кисть и ушел.

Вэй Чи поняла, что в ближайшее время от Шэнь Яна проблем не будет, а насчет остального... она верила, что Лу Шэндо не даст ему покоя. Вспомнив Ци Ючжи, разбившего кисть, Ван Юньи, крушившего мебель, и Цицигэ, разбившую флаконы, Вэй Чи почувствовала, что под поверхностью назревает буря. Но она была здесь чужой, и знать лишнее было опасно, поэтому лучшей стратегией было затаиться.

Цицигэ, тебе ведь всего восемнадцать, почему ты живешь с такой же усталостью, как Ван Юньи или Ци Ючжи? Вэй Чи нахмурилась и вздохнула:

— Есть!

Обед.

Солхахан успокоилась, взяла чашку и стала торопливо есть. Пролитые слезы принесли облегчение, и то раздражающее чувство наваждения на время забылось. Вспоминая всю свою жизнь с тех пор, как начала себя помнить, она прошла через немало бурь, и сейчас самое время проявить привычную расчетливость и твердость.

Нынешняя дворцовая стража состояла либо из старых приближенных короля, либо из личных солдат Ван Юньи. Проникнуть туда, куда раньше был закрыт путь, сейчас стало еще сложнее. К тому же, после недавней случайной встречи с войсками Ци, ее лучшие люди были почти полностью уничтожены! Аркэй сейчас в другом месте, и даже если бы захотел помочь, не смог бы. В столице и так осталось мало людей, а теперь и вовсе возникли трудности с их распределением.

Без аппетита пообедав, Солхахан с тяжелой головой вернулась в кабинет. Вошла придворная дама и тихо сказала:

— Ваше Величество, из тайной комнаты пришло сообщение.

Солхахан не ожидала, что все случится так быстро. Она собралась с мыслями, прошла через заднюю дверь дворца и направилась в сад. В саду было семь каналов, один из которых вел в темницу. Солхахан в одиночку зажгла фонарь и спустилась вниз. В самом дальнем углу на коленях ждал мужчина средних лет в одежде садовника.

— Кэ Фэнду, ты все подготовил, как я просила? — Солхахан жестом велела ему встать.

— Да. Людей сейчас немного, но достаточно. Припасы для отъезда тоже собраны, как только наступит момент, мы начнем.

Солхахан подробно расспросила о расстановке людей и в конце спросила:

— Думаю, будет лучше, если Лян Найлэ останется... Что ты думаешь?

— Принцесса, это рискованный шаг, но сейчас не до выбора. Лян Найлэ действует осторожно, кроме него, никого лучше не найти.

Солхахан не сдержала вздоха:

— А во дворце? Ты смог проникнуть туда?

Кэ Фэнду поднял голову и зловеще улыбнулся:

— Да, как раз сегодня ночью!

Солхахан вздрогнула:

— Сегодня ночью?

— Одна из служанок сегодня вечером уходит домой под предлогом болезни. Я уже приставил к ней людей, до начала комендантского часа мы сможем проникнуть внутрь!

Солхахан не ожидала, что все произойдет так скоро! В дополнение к радости пришло волнение:

— Ошибки быть не может?

Кэ Фэнду глубоко кивнул:

— Ошибки быть не может!

Солхахан некоторое время молчала, глядя на этого человека:

— ...Ты столько лет со мной, я никогда не обещала тебе богатств, а этот путь может закончиться смертью. Ты не жалеешь?

Кэ Фэнду почтительно поклонился:

— Ваше Высочество, если Вы, будучи правительницей, не боитесь смерти, то о чем жалеть мне, простому человеку?

— А как же жена и дети?

— Ваше Высочество, разве Вы не оставили своих?

Да, я тоже оставила! Солхахан окинула взглядом сырую темницу. Кто бы мог подумать? В таком роскошном дворце есть подобное место. Как однажды с горечью заметил ее сородич: неужели эти знатные люди действительно наслаждаются такой блестящей жизнью?

— Тогда сегодня ночью. Поторапливайся! — Солхахан поднялась и вышла.

Из-за приближения осени в Мокэне начало темнеть позже, но даже до наступления часа Петуха небо стало сумеречным. Стражники дворца Мокэна подняли воротники в ожидании смены караула. Маленький стражник по имени Какэло, опершись на копьё, витал в облаках, когда вдруг увидел двух людей в простой одежде, идущих к нему.

Не дожидаясь вопроса, высокий крепкий мужчина склонился в поклоне:

— Господин, старый слуга снова просит разрешения пройти, хе-хе.

Снова? Какэло не помнил, чтобы был знаком с этим человеком.

Крепкий мужчина подобострастно поднял голову:

— Старый слуга знает, что вы все подчиняетесь управляющему... хе-хе, не скрою, эту работу в саду мне дал сам управляющий. Мой сын раньше служил у него... управляющий часто делает нам одолжение.

Управляющий был младшим офицером стражи, под началом которого было около десяти человек. Какэло служил недавно, всех в лицо не знал, но, услышав уверенную речь старика, поверил. По виду старик был садовником. Недавно в южной части дворца меняли цветы, и чтобы не мешать знатым особам, слугам разрешалось работать до вечера. Сейчас уже поздно, старик наверняка пришел поздно и решил срезать путь.

Какэло не стал чинить препятствий. Конечно, не из доброты и не из-за неведомого управляющего, а из-за того, что старик украдкой сунул ему флягу с вином.

— Господин, это вино, это мясо — примите в знак уважения!

Какэло служил недавно, охранял боковые ворота, никакой выгоды от этого не было. Редко кто пытался его задобрить, и он не смог отказаться:

— Ах ты старый черт, думаешь, этой подачкой сможешь пройти мимо меня?

— Господин, господин! — старый садовник сделал вид, что уворачивается от кулака солдата. — Откуда у старого слуги деньги, чтобы угостить Вас? Хе-хе, не гневайтесь, господин, есть еще жареный цыпленок...

Какэло взял сверток в промасленной бумаге, взвесил его и усмехнулся:

— Старый пес, не дашь тебе пинка — не поймешь! — Он знал, что у слуг нет денег, а скоро смена, так что не стал упрямыться и открыл ворота.

— Подожди! — Какэло преградил путь и остановил юношу, шедшего за стариком: — А ты кто такой?

Садовник обернулся и отвесил подзатыльник:

— Мелкий негодник! Не видишь, офицер спрашивает? Совсем стыд потерял! — Затем он с улыбкой повернулся к стражнику: — Господин, это мой племянник из-за города! Совсем неотесанный! Никогда жизни не видел! Не взыщите.

Мальчишка был невысоким и худым, после подзатыльника он не смел поднять головы и дрожал от страха.

— Господин! — старый садовник указал на солнце и стал кланяться: — Мы правда опаздываем!

Какэло усмехнулся и, перестав мучить старика и мальчишку, пропустил их в ворота.

Старик отвел юношу в укромную часть дворца:

— Принцесса, одежда и украшения в сундуке. Мне нужно закончить дела, вернусь к часу Свиньи. Здесь давно никто не живет, так что можете оставаться здесь, никто не помешает.

— Хорошо, иди! — Юноша вошел в комнату, запер дверь, распустил волосы, уложил их в прическу, как у служанок, достал из сундука одежду, смыл с лица грязь и пепел, накрасил

губы румянами.

Это была кладовая, но не похоже, что она долго пустовала. Солхахан, часто бывавшая во дворце, не знала об этом месте. В таких комнатах никто не жил, окна были высоко, и как только солнце начало клониться к закату, в комнате стало темно. Солхахан еще раз проверила свои вещи и села на связку занавесок отдохнуть.

Прошло полгода с тех пор, как она была здесь? Солхахан пересчитала в уме. Ван Юньи не позволит ей встретиться с королем, он боится королевской власти, боится до дрожи. Возможно, он слышал слухи о ней и понимал, что она может повлиять на решение короля, и если король поддастся уговорам и перестанет подчиняться, то его планам конец! Солхахан холодно усмехнулась. Все говорят, что король — пылкий влюбленный, что даже после свадьбы с королевой не забыл своей любви к ней, что он готов достать ей звезды с неба...

Ха! На самом деле он просто трусливый, жалкий, лицемерный и непостоянный человек!

Когда-то она помогла ему взойти на трон, лишь бы не видеть братоубийственной войны. Этот мужчина, хоть и был труслив, но, по крайней мере, не был таким жестоким, как Вотолэ! В итоге она ошиблась, поняла, что каждый шаг был ошибкой. Когда ему нужно было укрепить власть и устранить неугодных, он не был труслив, он лишь жалел свою жизнь, а остальное? Он с радостью предавал, использовал и продавал.

С тех пор как он взошел на трон, он ни разу не прислал подкрепления Баянтале! Налоги в Баянтале выросли вдвое! Он говорил, что это нужно для подавления мятежных княжеств, но ценой предательства страны? Теперь я поняла! Это и есть внешняя угроза прежде внутренней? Теперь я поняла!

Солхахан сжала кулаки: — Ты можешь предать свои обещания мне, предать семью, но ты не смеешь предавать Родину!

Кэ Фэнду покинул дворец, прошел через несколько дворов, нашел укромное место, переоделся и, поправив сетку для волос, притворился евнухом, носящим воду. Сейчас дворец пришел в запустение, мощь Мокэна еще сохранялась, но была сильно подорвана. Раньше здесь царил порядок, теперь все стало расшатанным. Но нужно было опасаться армии Ван Юньи! Хотя проникнуть во внутренний двор стало проще, добраться до покоев короля было куда сложнее!

Был и плюс: Ван Юньи не тратил много сил на охрану свергнутого короля, он был рад запереть его в одном дворце, ограничить свободу и «защищать» его ограниченным числом солдат. И король, казалось, принимал эту «доброту» и «вынужденные меры».

Цель была там — главный дворец «Кашамоцзя».

Кэ Фэнду смешался с носильщиками воды. Это была самая низкая работа, которой занимались те, кого больше всех презирали. Все работали весь день и были так измотаны, что никто не замечал, на одного человека больше или меньше.

Воду носили туда и обратно, солнце медленно опускалось. Когда наступила глубокая ночь, работа не прекратилась: они должны были ждать, пока поедят слуги из передних покоев. Из-за усталости и голода многие замедлили ход. Один из водоносов воспользовался темнотой и ушел — может, пошел запрягать быков? Соседи так подумали, но, чувствуя, как урчит в животе, не стали вникать в чужие дела.

Одна из служанок, отвечавших за лампы, заболела — кашляла несколько дней, и даже

лекарства не помогали. Главная служанка была недовольна: в наши дни чего только не хватает, а вот дочерей, которых отдают во дворец, — в избытке! Что за вид у этой девчонки? Она решила ее выгнать. Служанка знала, что если ее выгонят, то дома, у хозяев, ей не поздоровится, к тому же было тяжело попасть во дворец. Она плакала от отчаяния. Не успела она поправиться, как госпожа, не проявив жалости, разрешила ей «поболеть» дома несколько дней.

Что значит «поболеть» дома? Уйдешь — не вернешься. Служанка вытирала слезы.

— Хватит лежать! Одной твоей болезни мало, хочешь еще и нас всех заразить? — Наступила вечерняя смена, служанки собирались уходить. Одна острая на язык девица, поправляя рукава, усмехнулась: — Какая ты важная персона! Разве не говорят, что во дворце у тебя есть покровители? Почему же болезнь не отступает?

Остальные служанки засмеялись. Больная была готова разрыдаться от обиды, но сдержалась и молча начала одеваться.

— Ой-ой! Госпожа сказала, что сегодня вечером ты свободна! — рассмеялись девицы и ушли.

Больная служанка, полная обиды, хныкала и кашляла. К ней тихо подошла пухлая девушка:

— Не переживай. Как поправишься, скажи мне, я буду постоянно упоминать о тебе перед госпожой, она рано или поздно вспомнит.

Больная служанка сжала руку пухлой девушки:

— Иди быстрее, опоздаешь — накажут. Со мной все в порядке.

Когда совсем стемнело, больная служанка уже не могла уснуть. Госпожа сказала — полночь, неужели я буду ждать, пока меня выгонят? Ну и пусть! Она кашлянула, поднялась, собрала вещи и вышла.

Было почти совсем темно, но здесь, во внутренних покоях, даже в коридорах, где жили служанки, горел свет. Служанки, отвечавшие за лампы, ушли на смену, и шумные обычно коридоры опустели. Бледное лицо больной служанки внезапно стало пепельно-серым — под подсвечником у двери лежала записка, прижатая маленькой заколкой.

Это! Это что?

Юная служанка поспешно схватила записку и, вернувшись в свою комнату, дрожащими руками развернула её. Там значилось: Жди меня у правых ворот Западного сада.

Жди меня? Это наверняка та самая госпожа! Лицо девушки вспыхнуло румянцем. Ведь эта госпожа взяла у её семьи пятьдесят медных монет и целого ягнёнка! Разве могла она забыть о ней? Значит, всё правда... всё правда!

Служанка быстро собрала узелок, закинула его на плечо и поспешила к правым воротам Западного сада. За пределами сада начиналась территория вне внутренних покоев. Когда-то здесь был прекрасный цветник, но король невзлюбил это место, и оно постепенно пришло в запустение. Добравшись до ворот, девушка действительно увидела там человека, похожего на слугу.

— Это госпожа велела тебе прийти? — спросила служанка, едва сдерживая волнение.

Старый слуга холодно скользнул по ней взглядом и жестом приказал следовать за ним. Девушка поспешно прикрыла рот рукой, чтобы не вскрикнуть от радости, и двинулась следом, переполненная предвкушением.

Сорхахан сидела уже долго, когда наконец снаружи послышался какой-то шорох. Кто-то тихо кашлянул, затем наступила тишина. Спустя мгновение раздались глухие звуки падения, и всё снова затихло.

— Принцесса! — Кэ Фэнду вошёл в комнату, неся на руках тело молодой девушки.

— Кто это? — Сорхахан поднялась с места.

— Та самая служанка, что следила за лампами, — Кэ Фэнду зажёл маленький светильник. — Вот её пропуск. Ваше Высочество, помните: как только пройдёт конец часа Свиньи, немедленно выходите. Я буду ждать у правых ворот Западного сада.

Сорхахан взяла пропуск, мельком взглянула на бездыханное тело, поправила головной убор и направилась во внутренние покои.

— Как сегодня Его Величество? — Королева Мо-Наня давно жила в уединении, но каждый день не забывала задавать этот вопрос.

— Отвечаю королеве: Его Величество чувствует себя неплохо, но по-прежнему не желает никого видеть. В последнее время он перестал принимать даже госпожу из рода Сор.

Королева лишь тихо отозвалась, вернулась к алтарю и принялась заново читать молитвы, которые уже заканчивала.

— Его Величество приказал всем уйти! — прикрикнул главный управляющий внутренних покоев на своих подчинённых.

Король больше не хотел показываться на глаза, выходя лишь к трапезам. Он избегал всех: министров, знати, наложниц и слуг. Отдав распоряжение, управляющий потёр нос и тоже покинул покои, где сегодня должен был почивать правитель Мо-Наня.

Король сидел на мягкой тахте, слушая, как шум шагов затихает вдали. Да, убирайтесь все! Оставьте меня в покое, дайте отдохнуть! Просидев долгое время, склонившись над столом, молодой властитель поднял голову и обвёл взглядом свои роскошные покои.

— Это место — птичья клетка! Проклятье, кто-нибудь, спасите меня! — после долгого

молчания он взревел, точно так же, как и прошлой ночью.

— Ваше Величество?

Король настороженно вскинул голову. Из-за края тяжёлой портьеры показалась фигура. Женщина слегка улыбнулась ему.

— Это я.

<http://bllate.org/book/21780/2252241>